

Глава 9. Столкновение

На следующий день Чан Я и Цэнь Сяолу отправились в деревню Чжуанлю, чтобы навестить семью У Лиши. Самого хозяина дома не оказалось — он ушёл на работу, поэтому гостей принимала его жена, У Лю-ши.

По её словам, поначалу муж пытался кормиться с земли, но урожаи были скудными, и выживать становилось всё труднее. В конце концов он отдал надел в аренду за долю зерна, а сам подался в город на подработки. У него не было ремесла, которое могло бы прокормить семью, поэтому приходилось браться за любую тяжёлую и неблагодарную работу. В те годы им пришлось несладко: когда маленький сын слёг с лихорадкой и в бреду звал на помощь, у них не нашлось денег даже на лекаря. К счастью, ребёнок выкарабкался, но болезнь подорвала его здоровье — с тех пор мальчик рос хилым и легко подхватывал простуду. Сейчас их жизнь наладилась, и всё благодаря нынешнему занятию мужа. У Лю-ши бережно вела хозяйство, не смея забывать о прошлых лишениях.

Она также рассказала, что муж занялся ловлей крыс совершенно случайно. Деревенская жизнь, конечно, не чета городской, но для горожан крысы — это омерзительная зараза, от которой они не знали, как избавиться. Однажды в чайной У Лиши подслушал разговор нескольких женщин. Те жаловались, что с радостью заплатили бы любому, кто очистил бы их дома от этих тварей — те так неистово скачут по перекрытиям по ночам, что у хозяек от шума начинается мигрень.

У Лиши тут же смекнул, в чём выгода. Хоть он и не был профессиональным крысоловом, но смыслил в этом деле куда больше изнеженных горожан. Он знал, как подкладывать отраву, умел ставить силки, мастерить ловушки и клетки. Обдумав всё, он подошёл к тем женщинам и предложил свои услуги.

Те поначалу отнеслись к нему с недоверием: пообещали щедрую награду в случае успеха, но предупредили, что если он не справится, не получит ни гроша. У Лиши взялся за дело и вскоре получил плату, которая равнялась его месячному заработку на подсобных работах. Соседки тех дам, прослышав о его успехах, тоже поспешили к нему. В итоге он бросил прежние случайные заработки и полностью посвятил себя ловле крыс — так денег выходило гораздо больше.

Со временем слава об У Лиши разлетелась повсюду. Другие бывалые мужики, смекнув, что дело прибыльное, тоже подались в крысоловы, и теперь он работал в паре с другими опытными ловцами.

Когда Чан Я поинтересовался состоянием У Лиши в последнее время, выяснилось, что жена не до конца понимает суть проблемы.

— Работы прибавилось, сами понимаете. Крыс ведь ловят по ночам, вот он и живет в перевёрнутом ритме: днём мастерит ловушки, ночью уходит на промысел. От этого он совсем осунулся. Я просила его отдохнуть хоть пару дней, но он и слушать не желает, твердит, что должен идти. Сейчас он тает на глазах. Несколько раз я видела, как он, прислонившись к

стене, заходится в рвоте — да так сильно, что в желудке ничего не остаётся. По ночам часто вскакивает и сидит с открытыми глазами до рассвета. Он сказал, что ему нужно показаться врачу, призывающему дух. Что ж, думаю, это правильно. Боюсь, как бы он умом не тронулся. Наш нынешний достаток — только его заслуга, и я не переживу, если с ним что-то случится. Как тогда нам с сыном быть?

Дойдя до самого горького, У Лю-ши опустила голову и смахнула слезу.

Цэнь Сяолу, не склонный к долгим беседам, промолчал, поэтому утешать хозяйку пришлось Чан Я. Близился полдень, и У Лю-ши хотела оставить молодых людей на обед, но Чан Я вежливо отказался, сославшись на дела в городке Мяо.

По дороге в городок Мяо они непринужденно беседовали.

— Жена У Лиши не знает истинной причины его страха, — заметил Цэнь Сяолу.

Чан Я, приплясывая, шёл впереди. Сорвав стебелёк лисохвоста, он принялся крутить его в пальцах.

— Ну, он же глава семьи. Признаться жене, что до смерти боишься крыс? Это же какой позор! К тому же, как тогда продолжать ремесло?

— Верно. Судя по рассказу У Лю-ши, нынешний достаток дался им нелегко. Он не бросит это дело просто так.

Чан Я засунул стебелёк в рот и, повернувшись спиной по направлению движения, зашагал задом наперёд, продолжая болтать:

— Бедный У Лиши... Каждый день сталкиваться с тем, что ненавидишь больше всего, да ещё и зарабатывать на этом. Я бы так не смог. Я признаю только то, что мне по душе.

Цэнь Сяолу молча слушал, как вдруг резко протянул руку, пытаясь ухватить Чан Я, но пальцы лишь скользнули по краю одежды. Чан Я со всего размаху врезался спиной в прямое и крепкое дерево. Глухой звук удара эхом разнёсся по округе. Рука Сяолу замерла в воздухе и медленно, с оттенком неловкости, опустилась вниз.

— Ой-ёй! — вскрикнул Чан Я.

Зажав ладонью затылок, он собрался было присесть, но не учёл, что его волосы зацепились за низко растущую ветку. От резкого движения вниз волосы натянулись, и парень взвыл от боли. Он замер в нелепой позе: полуприсев, не в силах ни подняться, ни опуститься.

Цэнь Сяолу едва сдерживал смех. Но он понимал: если сейчас расхохочется, трещина в их и без того хрупких отношениях станет бездонной пропастью. Поэтому, хотя его лицо и сводило судорогой от нечеловеческого усилия, он сохранил невозмутимый вид.

— Чего столбом стоишь? Ждёшь, пока я совсем опозорюсь? — Чан Я предсказуемо вспылел. Лисохвост вылетел изо рта: парень с досадой сплюнул его в сторону.

Цэнь Сяолу прикрыл рот рукой, кашлянул и поспешил на выручку. Из-за неловкого столкновения волосы Чан Я, лента и ветка сплелись в такой гордиев узел, что развязать его казалось невозможным. Сяолу возился долго, то и дело нечаянно дергая Чан Я за скальп. Тот вскрикивал так жалобно, что Сяолу, пугаясь, что вырвет клочок волос, ослаблял хватку.

Держаться в такой позе было мучительно — ноги Чан Я уже начали затекать и дрожать от напряжения. Но стоило ему хоть немного провиснуть, как боль в затылке становилась невыносимой. «Ни туды и ни сюды» — на собственной шкуре он прочувствовал смысл этого выражения.

Цэнь Сяолу и сам хотел бы закончить побыстрее, но спешка здесь не помогала. Проще всего было бы обрезать волосы или отломить ветку и оставить её болтаться на голове, о чём он и сообщил Чан Я. Тот ответил категорическим отказом. Любой из этих вариантов нанёс бы непоправимый урон его образу, а молодой господин Чан, как ни крути, дорожил своей репутацией.

Ради спасения чести Чан Я, Цэнь Сяолу смиренно продолжил распутывать узлы. Наконец, когда ноги Чан Я уже готовы были подкоситься, волосы освободились из плена.

Почувствовав свободу, Чан Я охнул, и его колени подогнулись. Опасаясь, что тот ударится коленями или подбородком, Сяолу подхватил его под мышки. Парень бессильно рухнул в объятия Цэнь Сяолу, уткнувшись лицом в его грудь. У Чан Я не осталось сил думать о дистанции или приличиях — он просто висел на спутнике, ожидая, пока в ноги вернется чувствительность.

Цэнь Сяолу прижимал его к себе, не шевелясь и принимая на себя весь вес его тела. Он мельком взглянул на ветку, где остались висеть изрядный клочок волос и обрывки ленты. Внутри у него всё похолодело: он не был уверен, что, когда Чан Я придет в себя и увидит это, он не начнет метаться и вопить, как ошпаренный кот.

Немного отдохнув в объятиях Сяолу, Чан Я на ватных ногах всё же сумел выпрямиться. Первым делом он метнул испепеляющий взгляд на ветку-злодейку. Если уж не изрубить её в щепки, то хотя бы обломать и истоптать ногами — только так можно было утолить жажду мести.

Но стоило ему присмотреться, как он замер в изумлении. Гнев мгновенно уступил место шоку. Забыв о ветке, он уставился на клочья волос и измочаленную ленту, сиротливо колышущуюся на ветру. Он медленно повернул голову к Цэнь Сяолу и с замиранием сердца спросил:

— Я облысел?

Сяолу подавил желание немедленно скрыться с глаз долой.

— Не до такой степени, — неловко ответил он. Он понимал, что в спешке приложил слишком много сил, но оправдывал себя тем, что спасал ноги Чан Я.

Чан Я деревянным жестом коснулся своих растрепанных волос и уставился на спутника:

— Я сейчас похож на безумца, да?

Цэнь Сяолу промолчал.

— Вовсе нет, — попытался он сменить тему. — Ты сильно ударился затылком, голова не кружится?

Чан Я механически качнул головой и, прежде чем Сяолу успел облегченно вздохнуть, внезапно подпрыгнул и вцепился в его черную ленту для волос.

— Ты порвал мою ленту! — в ярости выдохнул он, сверля его взглядом. — Теперь твоя пойдёт в счёт долга. Дели её пополам!

Лицо Цэнь Сяолу внезапно изменилось. Резким, коротким ударом ладони в грудь он отбросил Чан Я. Тот, не ожидая такой прыти, пролетел несколько шагов и приземлился прямоком на пятую точку. Ушибленное место отозвалось острой болью — парень угодил на камень. Лицо Чан Я вспыхнуло, он задыхался от обиды.

— Ты... ты... — он ткнул пальцем в сторону Сяолу. — Пожалел какую-то ленту и ударил меня!

— Я... — Сяолу медленно опустил руку. Он понимал, что погорячился, но оправдаться было трудно. Прикосновение к его волосам было запретной зоной, инстинктивной чертой, которую нельзя было пересекать. — Прости.

Сяолу шагнул вперед, чтобы помочь ему подняться, но Чан Я в сердцах оттолкнул его руку:

— Не трогай меня!

Превозмогая боль, он поднялся на ноги, потирая пострадавшее место.

Встав, Чан Я широким шагом направился вперед, не оглядываясь. Злосчастное дерево и его коварная ветка остались позади. Порыв ветра сорвал остатки ленты с дерева, и они, кружась,

опустились на траву.

Цэнь Сяолу предпринял попытку заговорить, надеясь склеить их треснувшие отношения.

— Ты так и пойдешь в город с распущенными волосами?

Чан Я надулся и промолчал. Разумеется, он этого не хотел.

Сяолу предложил решение:

— Подожди здесь, я быстро сбегаю в город и куплю тебе новую ленту.

Чан Я всё еще дулся, но выдавил три слова:

— Это долго.

А про себя подумал: «Мог бы и свою ленту пополам разрезать, жадина! У тебя сокровище, а моя будто не денег стоит».

Цэнь Сяолу вздохнул. Чан Я вскипел, закатил глаза и прибавил ходу.

— Эх... — вырвалось у Сяолу.

Вскоре Чан Я услышал, что шаги сзади ускорились. Он не оборачивался, сохраняя темп. Сяолу поравнялся с ним и придержал за плечо.

— Чан Я, постой.

— Ну что еще? — нетерпеливо обернулся тот.

— Я сорвал это, чтобы подвязать тебе волосы. — Сяолу протянул стебель лисохвоста.

Чан Я уставился на растение с нескрываемым сомнением:

— Ты серьезно?

Сяолу с предельно серьезным видом кивнул:

— Вполне.

— Ни за что! — отрезал Чан Я. — Идти по улице с сорняком в волосах? Меня же курам на смех поднимут! В Сяшуе меня каждая собака знает, я не могу так позориться.

— Не спеши отказываться. В детстве я только так волосы и подвязывал, — Цэнь Сяолу принялся вдохновенно врать, не моргнув и глазом. — Все носят обычные ленты, а ты с лисохвостом будешь выглядеть... индивидуально. Необычно. Вот увидишь, завтра все начнут тебе подражать! Обещаю, я завяжу аккуратно, будет красиво.

Чан Я заколебался. Обида всё еще клокотала в нем, но перспектива разгуливать по городу лохматым чучелом пугала куда больше.

— Не обманываешь?

— Клянусь, — Сяолу торжественно поднял руку.

— Ладно уж... — Чан Я нехотя повернулся спиной.

Пальцы Цэнь Сяолу работали быстро и искусно. Длинные пальцы мелькали в волосах Чан Я, и вскоре прическа была готова. Он специально закрепил пушистый кончик лисохвоста так, чтобы тот торчал сверху, наподобие диковинного украшения.

Чан Я осторожно коснулся узла, надул губы и, решив временно сменить гнев на милость, махнул рукой.

— Идем.

Глядя в спину удаляющемуся Чан Я, Цэнь Сяолу наблюдал, как пушистый хвост на его затылке забавно подпрыгивает в такт шагам. Он сжал губы, подавляя смешок, и поспешил следом.

— Идем.

<http://bllate.org/book/17545/1709460>